

В.В. Пенской (Белгород)

ПОХОД РУССКОГО ВОЙСКА В ЛИВонию зимой 1559 года *

ЛИВОНСКАЯ война по праву считается одним из ключевых событий русской истории. Длившаяся четверть века, с 1558 по 1583 гг., она оказала огромное воздействие и на русское государство, и на русское общество, и не случайно. «Правление Ивана раскрыло в драматической и даже страшной форме всю парадоксальность попыток создать мировую империю на незащищенной и неблагодатной земле северо-востока Европейской равнины. В военном плане Московия становилась ведущей державой. В экономическом – была весьма многообещающей благодаря своим богатым людским и территориальным ресурсам (хотя это утверждение по отношению к России XVI и даже XVII вв. довольно сомнительно. – *В. П.*). Однако уровень ее технического развития оказался слишком примитивен для мобилизации всех этих ресурсов, а расслаивающаяся, ограниченная и патримониальная природа унаследованной Русью социальной структуры препятствовала объединению ее сил...», – писал британский историк Дж. Хоскинг¹. С этим утверждением можно поспорить, однако представляется, что главное подмечено им достаточно точно – молодое Московское царство надорвалось в попытке поднять оказавшийся неподъемным для себя груз. Стремление выиграть Ливонскую войну при продолжении противостояния с Крымом, обострение которого приходится как раз на время правления Ивана Грозного, ускорило наступление в России всеобъемлющего политического, социального и экономического

* Автор выражает признательность А. Томсинову за идею обратиться к этой теме и благодарность А. Лобину за консультации в ходе работы с источниками.

кризиса. Его последствия полностью преодолеть так и не удалось, и в начале XVII в. произошел взрыв, поставивший страну на грань гибели.

Вместе с тем приходится признать, что полноценного исследования по истории Ливонской войны в отечественной, да и в зарубежной, историографии по существу до сих пор нет. Исследованию подвергались отдельные страницы ее истории, но попыток составить отдельные фрагменты мозаики в целостное повествование практически не было. Единственной отечественной работой, в которой была сделана такая попытка, является вышедшая более полувека назад книга В.Л. Королюка «Ливонская война», носящая, к сожалению, в большей степени научно-популярный, чем научный, характер². Учитывая же, что в Ливонскую войну (или, как весьма обоснованно предположил А.И. Филюшкин, Балтийские войны³) оказалось вовлечено несколько государств, то полноценное исследование ее истории невозможно без организации крупномасштабного международного проекта с привлечением историков России, Польши, Белоруссии, прибалтийских государств, Германии, Швеции и Дании. Но такой проект, если он все же и состоится, дело, судя по всему, очень далекого будущего, и поэтому остается только попытаться по мере возможностей закрывать отдельные белые пятна ее истории, и зимний поход 1559 г. русской рати в Ливонию является одним из них.

Предварительно отметим, что собственно военная история Ливонской войны также не получила достаточно полного и всестороннего освещения. Она рассматривалась или в общем контексте войн, что вела Россия при Иване Грозном, или как составная часть дипломатической борьбы в Балтийском регионе во 2-й половине XVI в. Анализ историографии вопроса не входит в наши задачи, ибо он может быть предметом отдельного исследования, отметим лишь, что даже если взять отечественных историков, то, как правило, описание этого похода крайне кратко и лапидарно⁴. Более того, можно встретить и серьезные ошибки в описании этого похода. Так, например, А.Л. Хорошкевич в своем фундаментальном исследовании по истории русской внешней политики середины XVI в. датирует эту военную экспедицию январем 1560 г., отметив при этом, что главной цели, взятия Риги, «большой» воевода князь С.И. Микулинский-Пунков и татарский «царевич» Тохтамыш не достигли (не задаваясь, впрочем, вопросом – а ставилась ли такая

цель перед воеводами?)⁵. В результате тем, кто интересуется этой страницей истории Ливонской войны, остается довольствоваться соответствующими местами в работах Г.В. Форстена и А.И. Филюшкина (обе работы, кстати говоря, не относятся к разряду легкодоступных), а также выдержками из биографии князя С.И. Микулинского, написанной Д.М. Володихиным⁶. При этом отметим, что этот поход неплохо освещен как в русских, так и в ливонских источниках – редкий случай в русской военной истории XVI в.⁷

Но вернемся к истории похода. Несколько слов о тех событиях, что предшествовали ему. Кризис в русско-ливонских отношениях, назревавший в начале 50-х гг. XVI в., в январе 1558 г. разразился войной. Стремясь «принудить» ливонцев «к миру», Иван Грозный пустил в ход «ultima ratio regis» – русское войско огнем и мечом прошло по восточной части Ливонии. Однако предпринятая военная демонстрация успеха не имела – ливонцы не вняли сделанному им недвусмысленному предложению согласиться на требования Москвы. Боевые действия летом того же года также не привели к желаемому результату. Более того, воспользовавшись тем, что царские войска, оставив во взятых ливонских городах небольшие гарнизоны, ушли на зимние квартиры, коадьютор ландмейстера Тевтонского ордена в Ливонии И.В. фон Фюрстенберга Г. Кеттлер предпринял осенью 1558 г. контрнаступление. И тогда в Москве, стремясь избежать дальнейшей эскалации конфликта, решили еще раз крепко вразумить ливонцев демонстрацией русской военной мощи.

«Того же году (7067, то есть 1558–1559. – В. П.), месяца декабря, отпустил царь и великий князь на Ливонских Немец воиною царевича Тахтамышша да бояр своих и воевод по полком», – сообщал неизвестный русский летописец⁸. Конечно, собрать рать на границах с Ливонией быстро было невозможно, и очевидно, что сбор этот был связан с действиями Кеттлера. Получив известия о его наступлении, в Разряде начали спешно готовить отпор, рассылать грамоты на места, «чтоб дети боярские были готовы и запас себе пасли на всю зиму и до весны и лошади кормили» с указанием «по которым местом государским людем збиратися и на которой срок»⁹. С завершением осенней распутицы в ноябре 1558 г. ратные люди начали стягиваться к назначенным местам сбора и, надо полагать, к концу ноября все было готово к выступлению. Однако Иван Грозный не торопился отдавать приказ о начале похода, рассчитывая

добиться своих целей без кровопролития и излишнего напряжения сил. Еще в ноябре 1558 г. он отправил ливонцам грамоту, в которой обвинил последних в том, что они не исполнили взятых на себя обязательств и теперь он, русский царь, намерен «искать с них за неправды и за нарушение крестного целования, сколько ему Бог поможет». Виновниками же пролития крови, писал царь, будет не он, а «лутчие» «ливонские люди»¹⁰.

Ответом на эту недвусмысленную угрозу было молчание. Однако и тогда Иван не сразу отдал приказ перейти границу. В ответ на обращение датских послов не доводить дело до войны Иван согласился еще раз предложить ливонцам разрешить кризис миром и отправил грамоту в Юрьев (Дерпт) к тамошнему русскому наместнику воеводе князю Д.И. Курлятеву. В ней он «велел послати от себя к маистру, чтобы государю царю бил челом и исправился во всем, а кровь бы христианская неповинная в том не разлилася»¹¹. Однако магистр ответа не дал, и тогда царь отдал приказ воеводам с ратью «йти воиюно к Риге» и «велел им государь воевати дороги и, где маистр их встретить, велел дело свое земское с ним делати, сколько им милосердый Бог помочи подаст»¹².

Каким был состав царского войска и его примерная численность? С. Хеннинг в своей хронике писал о 130 тыс. свирепых и диких воинов, вторгшихся в ливонские пределы¹³. Безусловно, это цифра ни в коем случае и близко не соответствует действительности, а является плодом вымысла хрониста, желавшего подчеркнуть апокалиптический размах бедствия, обрушившегося на Ливонию¹⁴. Также преувеличением, на наш взгляд, является и 50-тыс. войско, о котором сообщил взятый ливонцами в плен некий слуга *boуагепп'а Federin'a* и о котором писал А.И. Филюшкин, или 40-тыс. рать из письма датских послов¹⁵. Почему? Попытаемся обосновать свою точку зрения.

К сожалению, ни русские летописи, ни разрядные книги не сообщают нам, сколько детей боярских, стрельцов и казаков было в подчинении у воевод, однако в разрядах этого похода содержится точная информация не только о воеводах и полках, но и числе сотенных голов под началом каждого воеводы. Проанализируем эту информацию.

Согласно разрядам, рать составили пять полков. Перечислим их. Ядро рати составлял Большой полк под началом воевод князя С.И. Микулинского и боярина П.В. Морозова, а также «царевич»

Тохтамыш со своим двором. На усиление этого полка были посланы также раковорские воеводы князь М.П. Репнин и С.С. Нарматцкий и «наряд» (артиллерия) под командой Г.И. Заболоцкого¹⁶. Кстати, этот наряд был «лехким», что подчеркивают источники с «той» стороны. Датские послы в письме своему королю 19 февраля сообщали, к примеру, что русские в ходе своего рейда не взяли ни одной крепости, поскольку не имели никаких орудий (*geschutz*), и в орденской переписке также подчеркивается, что у русских нет настоящих пушек (*geschutz*), а есть лишь *kleine stuklein felttgeschutz* или *Falckenetell*. И еще одна деталь, касающаяся «наряда» – взятые русскими воеводами в поход легкие пушки были установлены на салазках¹⁷. Отметим также, что под началом воевод Большого полка находилось 16 сотенных голов¹⁸.

В Передовом полку, которым руководили воеводы князь В.С. Серебряный и Н.Р. Юрьев, было 9 сотенных голов. Кроме этого, в его состав входили также люди из гарнизона Острова с воеводой Ф.В. Шереметевым во главе, а также князь А.П. Телятевский с двором бывшего казанского царя Шах-Али (Шигалея) и Б.И. Сукин «с казанскими з горными и с луговыми людми». В полку Правой руки под началом воевод князя Ю.И. Кашина и И.В. Меньшого Шереметева было 8 голов, а также юрьевский воевода князь П.Д. Щепин, Р.В. Алферьев со служилыми татарами и А.Т. Михалков с татарами-новокрещенными. Воеводы полкалевой руки князь П.С. Серебряный и И.А. Бутурлин командовали 7-ю головами и еще им подчинялись другой юрьевский воевода М.П. Головин и Г.Н. Сукин «с темниковскими и с ценскими людми». И, наконец, остался Сторожевой полк, самый небольшой по численности, в котором под началом воевод боярина М.Я. Морозова и Ф.И. Салтыкова «ходили» 7 голов и «кадомские люди» князя С.Д. Гагарина¹⁹.

Таким образом, если подвести общий итог, то выходит, что под началом 10 полковых воевод находились 47 «сотенных» голов, 5 городских воевод со своими людми, татары и «наряд». Согласно росписям Полоцкого «государева» похода четырьмя годами позднее в «государевом» полку «сотни» насчитывали от 200 до 96 детей боярских²⁰, но это было мероприятие, несравнимое по масштабам с походом 1559 г., и очевидно, что «сотни», отправившиеся в Ливонию под началом С.И. Микулинского и П.В. Морозова, явно были меньшей численности. И если полагать, что каждого сына боярского сопровождал в походе хотя бы один послужилец (а в Ливонию

отправили лучших детей боярских, способных выступить «на государево дело и на земское» по меньшей мере о-двуконь, а то и с тремя конями, как татары в 1556 г.²¹, а также «людно и оружно»), то можно смело предположить, что поместной конницы с воеводами было порядка 9–10 тыс. (и еще с «лехким кошем с ествою», т.е. обозом, их сопровождали около 4–5 тыс. обозной челяди «с юки»).

По аналогии с Полоцким походом можно прикинуть верхний предел численности и татарских контингентов в походе 1559 г. Новокрещенов и выезжих татар под Полоцк отправилось 150 чел., «цненских князей, и мирз, и казаков, и людей их, и мордвы» 232 чел., «кадомских князей и мирз и казаков» 825, «казанских людей» 226, «свияжских» 478 и «чебаксарских» 236 чел. Шигалеев двор насчитывал в кампанию 1562–1563 г. 688 чел., «темниковские люди Еникей князь с товарищи и с их людми» 369 чел., служилые татары еще 600 чел. Остается еще двор «царевича» Тохтамыша, о численности которого в росписи нет сведений, но он явно не превышал двух, максимум трехсот человек²². В сумме мы имеем около 4 тыс. человек и совершенно точно, что больше этого числа в зимнюю кампанию 1559 г. быть не могло, и, учитывая, что татары активно участвовали в предыдущих вторжениях в Ливонию, то можно смело уменьшить полученную цифру вдвое. Таким образом, вместе с татарами и конными же детьми боярскими из Юрьева и Раковора конный компонент русской рати составлял около 12 тыс. комбатантов. Остается пехота – стрельцы и казаки, посаженные на конь (или на сани – по аналогии с кампанией 1565 г., когда из Москвы на берег были высланы стрельцы на телегах²³) для скорости передвижения²⁴. Упоминавшийся выше пленный на допросе показал, что в Передовом полку было 600 конных «hakenschutzens»²⁵, другой пленник на допросе показал, что в Большом полку было 1 тыс. «hakenschutzens» и еще 200 татар (надо полагать, что речь шла о татарах Тохтамыша). И, принимая во внимание, что Большой полк по численности примерно вдвое превышал все остальные взятые порознь, то если взятый в плен русский ратник и преувеличил численность рати князя Микулинского, определив ее как 20 тыс., это преувеличение не так уж и велико²⁶. Таким образом, можно с высокой степенью уверенности предположить, что русское войско насчитывало около 18–20 тыс. чел. вместе с кошевыми, которые также были вооружены. И хотя это не 130 тыс. «wütenden Horde» Хеннинга и не 50 тыс. слуги Federin'a, тем не менее, 20-тыс. рать

по тем временам, особенно по ливонским меркам, представляла более чем серьезный «ultima ratio regis».

Кстати, численность русского войска позволяет понять, почему оно вторглось в Ливонию 7-ю колоннами²⁷. При конном войске в 18–20 тыс. чел. должно было быть не меньше 40 тыс. лошадей, а то и больше, а обеспечить 40–50 тыс. лошадей фуражом даже в достаточно густонаселенной Ливонии было бы весьма проблематично, если бы такое войско двигалось по одной – двум дорогам, не говоря уже о том, что широкий фронт наступления, позволяя подвергнуть опустошению значительную по площади территорию, способствовал тем самым не только дальнейшему падению военного потенциала как Ордена, так и Рижского архиепископства, но и давал возможность детям боярским и татарам поживиться за счет захвата полона и «животов», а этот мотив был отнюдь не последним в их мотивации на участие в войне. Успешные, добычливые походы способствовали поднятию морального духа и еще большему рвению на службе государю. Напротив, неудачи, малая добыча или, паче того, потери, вели к снижению заинтересованности царских ратников в дальнейшем участии в боевых действиях, на что обращал внимание, к примеру, А.И. Филюшкин при анализе «Истории о великом князе Московском» А.М. Курбского²⁸, и, как следствие, падению боеспособности поместной конницы.

Несколько слов о времени самого похода. А.Л. Хорошкевич писала, что «военная тактика России на западе исходила из традиций антиордынских и антиказанских походов, совершавшихся исключительно в летнее время»²⁹. Ниже, правда, она оговорила, что бывали и исключения, например, лыжный поход князя С. Курбского за Урал в 1499 г., однако если проанализировать разрядные записи, то нетрудно заметить, что зимние кампании для русских отнюдь не были в новинку. Лишь несколько примеров. Еще отец Ивана Грозного Василий III зимой 1512–1513 г. предпринял грандиозную военную экспедицию против Смоленска. Зимой 1534–1535 г. русская рать предприняла опустошительный поход в пределы Великого княжества Литовского, сам Иван Грозный дважды ходил на Казань зимой, прежде чем взял ее осенью 1552 г., и, наконец, походу князя Микулинского предшествовал опустошительный набег русских и татар на Ливонию зимой 1558 г. Так что зимние походы для русских и татар вовсе не были нечто из ряда вон выходящим, и, кстати говоря, английский дипломат Р. Ченслер,

говоря о невероятной выносливости русских и их способности переносить тяготы военного времени, писал, что «никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более, чем на ярд». И далее он, обращаясь к своим читателям, спрашивал: «Много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы месяц»³⁰.

И выбор времени оказался верным. Ливонцы, как и год назад, несмотря на неизбежность русского ответа на осенний контрудар Кеттлера, оказались неготовы к отпору, поскольку собрать распущенные по завершению осенней кампании отряды наемников быстро оказалось невозможным, а имевшихся в распоряжении Кеттлера крайне немногочисленных сил, разбросанных по отдельным замкам и городкам и отделенных друг от друга, как доносили датские дипломаты своему королю ³¹, 10, 20, 30 и 40 милями, сил оказалось недостаточно для того, чтобы противостоять наводнившим орденские и архиепископа Рижского земли русским и татарским отрядам.

Итак, после того, как попытки разрешить проблему путем возобновления переговоров оказались безуспешны, Иван Грозный пустил в дело свой самый веский довод. 15–16 января 1559 г. передовые отряды рати С.И. Микулинского перешли рубежи, отделявшие занятые русскими владения дерптского епископа от земель Ордена и рижского архиепископа, а 17-го числа в движение пришли главные силы «wütenden Horde»³². Вторжение началось.

Дальнейший ход событий можно проследить, взяв за основу переписку должностных лиц Ордена, письма датских послов, направлявшихся в Москву и застигнутых набегом в Ливонии, и «рапорт», отправленный воеводами царю по возвращению из похода³³. Анализ этих источников рисует следующую картину событий. Наступление шло широким фронтом – выше уже отмечалось, что, согласно ливонским источникам, русские перешли границу 7-ю колоннами. Главные силы (согласно показаниям взятых в плен одного *bawten* и двух рядовых русских ратников, 18 тыс. при 4-x *stucke kleinss geschutzes*³⁴) двинулись вдоль левого берега реки Аа (нынешняя Гауя) по хорошо известному царским воеводам так называемому Гауйскому коридору (по крайней мере, до Вендена, поскольку именно здесь русские купцы должны были выгружать свои товары, а далее русских должны были вести взятые ими прежде

пленники-проводники ³⁵) в юго-западном направлении на Ригу. Другая часть русского войска (Передовой полк, по показаниям пленных – 7 тыс. с 4-мя фальконетами ³⁶) вторглась в орденские земли восточнее, со стороны Нойгаузена, и начала продвигаться в южном направлении к Мариенбургу (совр. Ауксте) и далее к Шваненбургу (совр. Гулбене). Со стороны Изборска тремя днями после Передового полка в орденские владения вступил еще один 7-тыс. (по показаниям пленных) русский отряд, также двинувшийся к Шваненбургу ³⁷.

Судя по орденской переписке, образ действий русских мало чем отличался от классического описания зимнего татарского набега, которое дал француз Г.Л. де Боплан ³⁸. Держа главные силы в кулаке и медленно продвигаясь к намеченным целям, воеводы после перехода границы «роспустили войну» и, отправляя во все стороны небольшие, от 20 до 50, редко до сотни всадников, отряды «в зажитье», разрешили им добывать провиант и фураж, брать пленников, жечь и грабить все и вся без каких-либо ограничений ³⁹. Не имея тяжелой артиллерии, русские отнюдь не стремились штурмовать многочисленные орденские замки и укрепленные города на своем пути, что отмечали, к примеру, датские послы в своем письме королю Христиану ⁴⁰, ограничиваясь тотальным опустошением их округи. Как писали сами воеводы в своей «отписке», они со своими ратными людьми «шли в Немецкую землю к Альсту немецкому городку и к Голбину и к Чесвину и воевали поперег верстах на семидесяти, инде и на сто... Да шли к Ровному да мимо Кесь, и Кеские места воевали, да к Риге...»⁴¹. Фюрстенберг, Кеттлер и рижский архиепископ, находившиеся тогда в Риге, ничего не могли противопоставить русским, поскольку (опять же сошлемся на датчан) располагали мизерными силами – 2 сотнями «коней» и немногочисленными кнехтами, стоявшими гарнизонами в отдельных замках ⁴². Поэтому они были вынуждены эвакуировать некоторые замки и города, не в силах защитить их, а все их попытки дать отпор безжалостно опустошавшим орденские и архиепископские владения русским свелись к нескольким стычкам (scharmutzell), в которых успех сопутствовал то одной, то другой стороне ⁴³. Единственное более или менее крупное столкновение русских и ливонцев имело место в последних числах января под Тирзеном (совр. Тирза), где с ратниками Передового полка столкнулся выступивший из Зессвегена-Чествина (совр. Цесвайне)

небольшой отряд орденов рыцарей и кнехтов рижского архиепископа под началом Ф. Фелькерзама (по сообщению псковского летописца, 400 чел.)⁴⁴. Видимо, немцы попытались атаковать рассыпанные по округе отряды русских и татарских всадников, но из охотников превратились в добычу, попали под удар главных сил В.С. Серебряного и Н.Р. Юрьева и были полностью уничтожены. «И от Чествина пришли немецкие люди на передовой полк, – писали воеводы царю, – и передовым полком побили их на голову и воевод немецких Гедерта и Гануса побили, а третьего Янатува взяли, печатника архиепископа, и всех мызников лутчих взяли живых тридцать четыре человека»⁴⁵. Взятые в плен немецкие рейтары и кнехты, «благородные и неблагородные», вместе с другими такими же пленниками были доставлены в Псков 12 февраля 1559 г., откуда их отправили дальше в Москву. «Помоги им Бог», – восклицал по этому поводу М. Фриснер, сообщивший эту новость герцогу Финляндскому Юхану⁴⁶.

Выполняя царский наказ⁴⁷, русские полки огненным валом («а война их (т.е. царских воевод. – В. П.) была вдоль к Риге и от Риги к рубежю на штисот верстах, а поперег на полторехъстех, а инде на двусот верстах»⁴⁸) прокатились по ливонским землям и вышли 31 января к Риге, в окрестностях которой продолжали жечь, грабить и убивать три дня, попутно спалив вмерзшие в лед под Динамюнде несколько судов, в том числе два больших любекских «купца»⁴⁹. Рижане были в панике. Еще при подходе русских они сожгли предместье-форштадт, не надеясь его отстоять, да и сами укрепления города были ветхи и слабы, равно как и его гарнизон. Одному Fahne из его состава в количестве 300 архиепископских рыцарей удалось во время одной вылазки застичь врасплох русский отряд численностью в 120 всадников, действовавший в одной миле от Риги, и разбить его, но это отнюдь не помешало другим русским отрядам продолжать опустошения⁵⁰.

Разорив окрестности Риги, русские полки повернули на восток, двигаясь «вверх по Двине по обе стороны Двины х Курконосу», при этом отдельные отряды прошли южнее, достигнув прусской и литовской границ (согласно разрядным записям, царские полки «воевали» «за рекою за Двиною курляньские места»)⁵¹. В Риге полагали, что причиной отступления русских от плохо укрепленного города были известия о том, что на помощь магистру и рижскому архиепископу идет герцог Х. фон Мекленбург с 4 тыс. «schwartz

Reuther» (на самом деле он пришел с 372 рейтарами)⁵². Датские послы могли приписывать спасение Риги себе, поскольку по их ходатайству Иван Грозный решил отозвать свои полки из орденских и архиепископских земель и начать переговоры с ливонцами⁵³. Однако, учитывая время, когда была подписана эта грамота, и время ее доставки в Юрьев, можно с уверенностью утверждать, что это явно не заслуга датчан – русский царь решил, что должный урок ливонцам был преподан, дело сделано, и можно предложить неприятелю переговоры.

Так или иначе, но с отходом от Риги война не закончилась – как уже было отмечено выше, царское войско повернуло домой другим маршрутом, подвергнув опустошению земли в Подвинье, и 17 февраля вышло к Опочке и Вышгороду на Псковщине «дал Бог, здорово», «а плену бесчисленно множество выведоша». В своей «отписке» воеводы хвалились, что они не только опустошили все неприятельские земли между реками Аа, Эвст (совр. Айвиекте) и Западная Двина, но и сожгли 11 немецких «городков», которые «покинули немцы да выбежали», из брошенных «городков» «наряд и колоколы и иной всякой скарб вывезли, а городки пусты пометали, потому что не с рубежа». Список взятых городов и замков выглядит внушительно и наглядно показывает маршрут, по которому прошли русские войска – Миклин, Рекот (Трикатен, совр. Триката), Пиболда (Пебалг, совр. Вецпиебалга), Зербин (Зербен, совр. Дзербене), Скуян (Шуен, совр. Скуене), Ерль (Эрлаа, совр. Эргли), Радопожь (Роденпойс, совр. Ропажы), Нитоур (Нитау, совр. Нитауре), Сундеж (Сунцел, совр. Сунтажи), Малопольс (Лембург, совр. Малпилс), Новый городок (Нойенбург, совр. Яунпилс –?). Успешные действия воевод и их ратников были отмечены Иваном Грозным, который «к воеводам послал с жалованием»⁵⁴.

Подведем общий итог. Как справедливо отмечал А.И. Филюшкин, зимняя кампания 1559 г., как и предыдущая такая же годом ранее, «не имела своей целью захват и освоение территории, но запугивание населения, уничтожение военной силы и экономических центров, нарушение работы местной администрации и общее опустошение и разорение»⁵⁵. Правда, согласиться с мнением историка относительно того, что ливонцы не имели опыта столкновения с подобной стратегией, на наш взгляд, нельзя. И в предыдущих конфликтах на этом ТВД обе стороны активно использовали аналогичные приемы ведения войны. Другое дело, что и в 1558,

и в 1559 гт. масштаб вторжений существенно превышал тот, с которым раньше имели дело ливонцы, потому и характер опустошений оказался более значительным. Времена Плеттенберга безвозвратно прошли, и противопоставить что-либо равнозначное этим подлинным нашествиям ни Орден, ни рижский архиепископ, ни прочие местные владетели, не доверявшие и враждовавшие друг с другом, не могли, и осознание своего военно-политического бессилия толкнуло их в объятия Литвы, Дании и Швеции. И выходит, что, одержав убедительную военную победу, Иван Грозный потерпел дипломатическую неудачу – успешная военная демонстрация не достигла своей политической цели.

¹ Хоскинг Дж. Россия и русские. Т. 1. М., 2003. С. 156.

² Королюк В.Л. Ливонская война. М., 1954.

³ Филошкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. С. 80–94.

⁴ См., например: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 177; Королюк В.Л. Указ. соч. С. 39–40; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 132; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Соловьев С.М. Кн. III. М., 1989. С. 492.

⁵ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 238.

⁶ Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 154–155; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. I. Борьба за Ливонию. СПб., 1893. С. 104–106; Filjushkin A. Ivan the Terrible: a Military History. L., 2008. P. 162–164.

⁷ Из русских источников заслуживают внимания прежде всего разрядные книги (например: Разрядная книга (далее – РК) 1475–1598. М., 1966. С. 176–177; РК 1475–1605. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 38–42) и летописи (например: Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 275–276, 278); из ливонских – материалы, собранные и опубликованные Фр. Бинеманном (Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562 (далее – Briefe). Bd. II. 1557–1559. Riga, 1867) и К. Ширреном (например: Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands (далее – Archiv). Neue Folge. Bd. III. Reval, 1863; Bd. X. Reval, 1884).

⁸ Лебедевская летопись. С. 274.

⁹ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562–1563 года // Русский дипломатический. Вып. 10. М., 2004. С. 120, 122.

¹⁰ Щербачев Ю.Н. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690. М., 1893. С. 25.

¹¹ Лебедевская летопись. С. 275; Щербачев Ю.Н. Указ. соч. С. 25–26.

¹² Летописный список, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (далее – Никоновская летопись) // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 314.

¹³ Henning S. *Lifflendische Churlendische Chronica von 1554 bis 1590*. Riga, 1857. S. 36. См. также: Renner J. *Livländische Historien*. Göttingen, 1876. S. 229.

¹⁴ Правда, отметим, справедливости ради, что у Хеннинга были основания писать о таком тьмочисленном воинстве москвитов. Так, кормейстер Вендена сообщал 24 января 1559 г. магистру В. Фюрстенбергу, что, согласно показаниям пленных, на границе с орденскими владениями стоит 100 тыс. татар, а Г. Кеттлер со слов пленного русского писал 5 февраля того же года о 130-тыс. войске, грабящем, сжигающем и убивающем все на своем пути (Archiv. Bd. X. S. 28; Briefe. S. 248).

¹⁵ Archiv. Bd. X. S. 27, 47; Filjushkin A. *Op. cit.* P. 163.

¹⁶ Согласно показаниям некоего Петра, взятого в плен послужилыца новгородского сына боярского Адриана Кикина, князь М.П. Репнин имел 3 тыс. ратников, но, надо полагать, пленник имел в виду численность всего гарнизона Раковора. Между тем согласно царскому наказу, Репнин вместе с Нарматцким должен был уйти в поход, а еще двое воевод оставались удерживать город (РК 1475–1605. Т. II. Ч. I. С. 31; Archiv. S. 30). Поэтому можно смело предположить, что с Репниным было не более 1–1,5 тыс. чел.

¹⁷ Archiv. Bd. X. S. 30, 47.

¹⁸ РК 1475–1598. С. 175–176; РК 1574–1605. Т. II. Ч. I. С. 39–41.

¹⁹ Там же. С. 176–177. РК 1574–1605. Т. II. Ч. I. С. 39–42. Ср.: РК 1550–1636. Т. I. М., 1975. С. 79–81. Псковская летопись упоминает еще и черкасских князей, ходивших в этот поход, а Лебедевская уточняет, что они были в Передовом полку (Лебедевская летопись. С. 275; Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 237).

²⁰ Баранов К.В. Указ. соч. С. 133–134.

²¹ Дополнения к актам историческим (далее – ДАИ). Т. I. СПб., 1846. С. 129. Согласно показаниям пленников, каждый русский ратник имел по две лошади и был хорошо экипирован (Archiv. Bd. X. S. 30; Briefe. S. 241).

²² Баранов К.В. Указ. соч. С. 126–128.

²³ РК 1475–1605. Т. II. Ч. I. С. 183.

²⁴ Практика передвижения пищальников, казаков, а потом и стрельцов на лошадах к тому времени стала стандартным приемом. См., например: ДАИ. Т. I. С. 130, 154.

²⁵ Archiv. Bd. X. S. 27.

²⁶ Briefe. S. 241.

²⁷ Archiv. Bd. X. S. 27; Briefe. S. 240.

²⁸ См.: Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. СПб., 2007. С. 37.

²⁹ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 222.

³⁰ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007. С. 76–77. «А зима 1558–1559 г. была “добре стоудена”» (Псковская 3-я летопись. С. 238).

³¹ Archiv. Bd. X. S. 39.

³² Лебедевская летопись. С. 276; Псковская 3-я летопись. С. 238; Briefe. S. 246.

³³ См., например: Никоновская летопись. С. 317.

³⁴ Archiv. Bd. X. S. 28.

³⁵ Скутанс Г. Гауйский коридор: северо-восточное направление Рижских торговых связей в XII–XVI вв. // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб.: Старая Ладога, 2001. Ст. 54–56. О многочисленных проводниках из числа взятых ранее

пленных «немцев и не-немцев» есть упоминания в переписке должностных лиц Ордена. См., например: Archiv. Bd. X. S. 27, 30.

³⁶ Archiv. Bd. X. S. 27.

³⁷ Ibid.

³⁸ Боплан Г.Л. де. Описание Украины. М., 2004. С. 219, 221, 227, 229, 231, 233, 235, 237. Кстати, Боплан подчеркивал, что «их (то есть татар. – В. П.) вступление на вражескую землю происходит обыкновенно в начале января, всегда в зимнее время, чтобы не иметь никаких преград в дороге; болота и реки не могут им препятствовать продвигаться во всех направлениях...» (Там же. С. 227).

³⁹ См., например: Archiv. Bd. X. S. 30.

⁴⁰ Ibid. S. 47.

⁴¹ Никоновская летопись. С. 317.

⁴² Archiv. Bd. X. S. 39.

⁴³ См., например: Archiv. Bd. III. S. 103, 121; Bd. X. S. 39. Один такой эпизод, в котором где-то в Курляндии, возле границы орденских владений с землями Великого княжества Литовского (скорее всего, за Двиной, юго-западнее Риги) русский разведывательный «загон» захватил врасплох и перебил шедших из Даницга немецких наемников, положив на месте 21 кнехта и 1 взяв в плен, позднее был раздут ливонским хронистом И. Реннером до эпических размеров. В его изложении ландскнехты, вооруженные мушкетами, отразили несколько атак русских, убив при этом больше сотни нападавших, а потом, когда придорожный трактир, в котором они были застигнуты, загорелся, вышли из него и пали в рукопашной схватке с неприятелем (См.: Renner. Op. cit. S. 232).

⁴⁴ Псковская 3-я летопись. С. 238; Hiärn T. Ehst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. I. Riga, Dorpat und Leipzig, 1835. S. 220. Часто встречающаяся датировка этого боя 17 января является, судя по всему, неточной (См., например: Волков В.А. Указ. соч. С. 177). Во всяком случае, в опубликованной орденской переписке, датированной до 26 января 1559 г., он не упоминается.

⁴⁵ Никоновская летопись. С. 317.

⁴⁶ Archiv. Bd. III. S. 122.

⁴⁷ О наказе см.: Archiv. Bd. X. S. 27, 29–30; Briefe. S. 240.

⁴⁸ Никоновская летопись. С. 317.

⁴⁹ Там же. Archiv. Bd. III. S. 120; Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. IV. Riga und Leipzig, 1844. S. CXII, 112–113.

⁵⁰ Форстен Г.В. Указ. соч. С. 106; Archiv. Bd. X. S. 39.

⁵¹ Никоновская летопись. С. 317; PK 1475–1605. Т. II. Ч. I. С. 40.

⁵² Archiv. Bd. III. S. 103–104, 120–121.

⁵³ Щербачев Ю.Н. Указ. соч. С. 29.

⁵⁴ Никоновская летопись. С. 317.

⁵⁵ Filjushkin A. Op. cit. P. 164.